Национальный проект

«Русская красота» в ГЦСИ *рекомендует* Анна Толстова



Ольга Ловцюс. «Композиция №21». Видеоинсталляция, 4 мин., 2009 год



Федор Солнцев. «Недотыкомка». Аудиоинсталляция, глина, 2009 год



Архитектурная мастерская «Сидоров и Сыновья» (Павел Герасименко, Глеб Ершов, Андрей Клюканов, Станислав Савицкий). Урна «Пингвин». Цемент, 2009 год



Владимир Лило. Скульптура из серии «Столовые игрушки». Столовые приборы и посуда из алюминия, 2009 год



Юрий Штапаков. «Муза X, Муза Y, Муза Z». Оргалит, холст, масло, 2009 год



Виталий Пушницкий. «Падение 82. Русская красота». Холст, масло, 2008–2009 годы



Илья Гапонов, Кирилл Котешов. «Буровая». Обожженное дерево, гудрон, 2009 год

В НАЗВАНИИ выставки сразу два запрещенных в современном искусстве слова. Во-первых, современному художнику категорически нельзя про красоту. Про идентичность, телесность, медийные манипуляции, революцию и права меньшинств можно, а про красоту нельзя. Это реакционная тема, тема для салона (Никас Сафронов) и официоза (Илья Глазунов). Во-вторых, современному художнику нельзя про русское. То есть про американское, британское и германское ему тоже нельзя — про национальное можно, только если это национальное в меньшинстве и страдает. Например, можно про палестинское. Словом, если вы подаете на грант в какой-нибудь прогрессивный центр современного искусства, не надо писать в заявке, что ваш проект про «русскую красоту». Это прозвучит почти как про «арийское чувство формы».

Не то чтобы Государственный центр современного искусства, принимающий петербургскую выставку «Русская красота», вдруг впал в консерватизм. Просто в ГЦСИ целиком и полностью доверяют ее кураторам: Глебу Ершову, идейному руководителю галереи Navicula Artis — единственного места в арт-центре «Пушкинская 10», где сохраняется сквоттерский дух прежней, не законсервировавшейся в своем музейном нонконформизме Пушкинской, и Станиславу Савицкому, верному другу Navicula. Этот дуэт давно занят поисками «русской красоты» в окружающем мире. Несколько лет назад они придумали «Прогулки за искусством» — художественные путешествия по конструктивистским трущобам Ленинграда, Свердловска и Москвы, в ходе которых прямо посреди руин советской утопии обнаруживалось нечто, что можно было бы назвать «нашим Ансельмом Кифером» или «нашим Ричардом Серрой».

Теперь же кураторы-провокаторы дали петербургским художникам задание самим делать «русскую красоту». Тут имелся еще один подвох: в Петербурге вообще-то хватает красоты, но она — по крайней мере, так считают во всей остальной России — какая-то нерусская. Кураторский замысел мог, конечно, ограничиться живыми классиками местной школы — митьками (они бы отвечали за русское) и «новыми академиками» (эти, понятное дело, заведовали бы красотой). Но хотелось, чтобы было «два в одном» и чтобы была свежая кровь — с последним помог институт Pro Arte, поделившись своими выпускниками. И еще хотелось, чтобы было всерьез и без ерничанья. Поэтому в плане подготовки предприняли еще одну, установочную, «прогулку за искусством». На этот раз по петербургским церквам эпохи Абрамцева и Талашкина, стилизованным под древнерусское зодчество, которые за прошедшее столетие оказались в городской среде, образованной жилконторским хозяйствованием, с одной стороны, и народным самоделкинским дизайном — с другой. В итоге свершилось открытие, достойное Генриха Вельфлина: опытным путем было выявлено, что в основе русского чувства формы лежат принципы «косой» и «загогулины». Идущие от сугубо почвенного отношения к материалу, подгнившему и проржавевшему, и от сугубо почвенной, тяпляпистой архитектоники. Пока же вооруженные этим формальным методом молодые художники принялись творить, обнаружилось, что и мастерам старшего поколения — Ивану Сотникову, Петру Белому, Юрию Штапакову, Петру Швецову, Виталию Пушницкому, Марине Алексеевой, Сергею Денисову и многим другим — близки неказистость «косой» и лукавство «загогулины».

Картина мира, возникшая в результате этого эксперимента, имеет вид совершенно неэкспортный. Там по неведомым дорожкам елового леса, выращенного Петром Белым из обломков ржавой пилы, бродят невиданные звери Владимира Лило — из старого алюминиевого дуршлага, на алюминиевых лапках-вилках. А если и попадаются русские красавицы в кокошниках, как на видео Ольги Ловцюс, то корчат такие рожи, что хлеб-соль станут поперек горла. Тут ощущается явная общность с искусством «Русского бедного», показанным Маратом Гельманом в Перми. Что, видимо, свидетельствует о рождении нового русского стиля. Который, может быть, спасет мир от переизбытка красоты (см. Глазунов и Сафронов).

Государственный центр современного искусства, с 7 июля